

**Читайте остросюжетные романы
Елены Дорош
в серии «Вечерний детектив»:**

Брошь с черным опалом

Портрет девочки в шляпе

Королевская лилия

Крест Шарлотты

Антикварная история

Пруд с золотыми рыбками

Слеза Евы

Забытый аромат

Семейная реликвия

Красное солнце валькирии

Французское наследство

Нить наяды

Е Л Е Н А
Д О Р О Ш

П Р У Д
С З О Л О Т Ы М И
Р Ы Б К А М И

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Д. Васильченко*

Дорош, Елена.

Д69 Пруд с золотыми рыбками : [роман] / Елена
Дорош. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-202412-2

Получив в наследство старую квартиру, Марфа Марецкая даже не подозревала, что стала обладательницей раритета, стоимость которого превышает все мыслимые размеры. Однако среди ее знакомых нашлись те, кто в отличие от нее разбирается в искусстве, а новая хозяйка мечтает насладиться им в полной мере. Есть ли у Марфы шанс спастись? Сможет ли она справиться с проблемами в одиночку или все же найдется тот, кто защитит ее?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202412-2

© Дорош Е., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

МАРФА

Марфе снился очень странный сон. Настолько странный, что она понимала это даже во сне. Как будто она шагает через двор к дому, в котором выросла и прожила почти восемнадцать лет. Идти не хочется, но надо. Она разыскивает глазами окна квартиры на последнем этаже в надежде увидеть, что свет не горит, а значит, матери с сестрой нет, и вдруг видит, как прямо над пятиэтажкой поднимается огромная волна. Никакого моря в городе ее детства отродясь не бывало, поэтому несколько мгновений Марфа пытается сообразить, откуда мог взяться потоп. А волна между тем начинает медленно переваливаться через крышу. Марфа наконец осознает грозящую ей опасность, кидается к дому и изо всех сил прижимается спиной к кирпичной кладке. В ту же секунду тонны воды обрушиваются с высоты на землю, заполняя пространство между четырьмя стоящими квадратом домами.

Мгновенно двор становится морским дном. Буквально в полуметре от себя застывшая в оцепенении Марфа видит стену из холодной мутной воды, грязи и каких-то опметков, но место, где стоит она, остается сухим. Понимая, что счет идет на секунды, она хочет ухватиться за находящуюся в шаге дверь подъезда, тянется изо всех сил, но пошевелиться не может. И тут Марфе становится страшно, как никогда в жизни. Еще мгновение, и вода накроет ее. Она подступает все ближе, ближе...

— Марецкая, ты у нас самая умная, что ли?

Сквозь километровую толщу она слышит чей-то возмущенный голос, но ответить не может, потому что все силы уходят на то, чтобы попытаться набрать в легкие побольше воздуха. Она вдыхает, но спасительный кислород не набирается, а вода уже залила глаза, нос, стала заполнять рот...

— Нет! Нет! — в ужасе закричала Марфа и проснулась.

— Так и ежику понятно, что нет! — с удовольствием согласился голос, и через перегородку свесилась голова Сашки Кириенкина, редакционного бездельника и прилипалы.

— Уже десять минут, как совещание началось. Милена попросила узнать, на каком основании ты его игноришь.

Марфа уставилась на Сашку совершенно безумными глазами, не понимая, как тому удалось пробиться сквозь такую гряду воды.

— Ты уснула, что ли, Марфушенька? Ах ты наша душенька!

Сашка сделал умильное лицо. Получилось из рук вон плохо, потому что его ехидная юная мордашка была совершенно не приспособлена к выражению каких бы то ни было нежных чувств.

— Иди в жопу, Кириешка, — неожиданно зло сказала Марфа, пытаясь прийти в себя.

— Сразу обзываться! — обиженно надул губы Сашка. — А я еще собирался прикрыть тебя грудью! Теперь даже не проси!

— Да отстань! Ничего ты не собирался! У тебя и груди-то никакой нет!

Почему-то она злилась именно на наглеца Кириенкина, хотя он был совершенно ни при чем.

— Ну конечно, тут мне с тобой не сравниться, — хмыкнул Сашка и выразительно посмотрел в вырез ее блузки.

Марфа окончательно рассвирепела:

— Катись отсюда!

Сашкина голова скрылась за перегородкой, и уже оттуда он невинно поинтересовался:

— Так что Милене сказать? Что ты сначала эротический сон досмотришь, да?

Марфа взвилась, схватила тяжелый степлер и пулей выскочила из своей конурки, зная, что Сашка не уйдет, пока не доведет ее до белого каления.

За перегородкой никого не было. Побежал веселить народ! Вот пакость малолетняя!

Однако нарываться в самом деле не стоило. Милена очень ревностно охраняет свой статус начальника отдела, поэтому болезненно реагирует на любую попытку его проигнорировать.

Марфа достала пудреницу и глянула в зеркало. Ну конечно! Одна щека красная! Она энергично пощипала другую. Пусть будут как свеклой натертые, зато одинаковые! По левому виску медленно ползла капля. Это она из-за сна так разнервничалась или просто вспотела? Надо же, какая кисейная барышня! Она скорчила себе рожу, подтянула джинсы, блузку, наоборот, дернула вниз и поплевалась на совещание.

В конце концов, она хотя и довольно успешный, но все же рядовой журналист, начальства над ней десять слоев, поэтому следует соблюдать субординацию и вести себя прилично.

Редакцию известной в Питере газеты она взяла измором. Когда восемь лет назад они с подружкой Лариской, исполненные наивных юношеских «мечт», приехали в Северную столицу, то не сомневались, что их талант немедленно и с радостью будет востребован. Смешно вспомнить! Они даже не журфак окончили! С какого боудна две дуры-филологини решились штурмовать журналистский олимп? Наверное, статус МГУ затмил разум. Да после такого вуза нас везде! С руками и ногами!

Лариска сдалась через полгода. Домой в Кинешму, конечно, не вернулась, забросила диплом

на антресоли и устроилась в модный женский магазин продавщицей.

Марфа из глупой щенячьей вредности решила стоять до конца и для начала поступила работать в облюбованную ею редакцию курьером. Еще год ушел на поиски лазейки, через которую можно было пролезть на должность сотрудника хоть какого-нибудь отдела. Когда после невероятных усилий это удалось, дело пошло веселее. Она в самом деле неплохо писала. К тому же, что немаловажно, без ошибок, и не только орфографических, но также грамматических, пунктуационных и стилистических. Последнее особенно ценилось главным редактором. Может, поэтому он ее и заметил в конце концов?

Ну не могла она проиграть! Не могла, потому что тогда все было бы зря!

Мать, учитель математики по профессии, духу и призванию, воспитывала их с сестрой одна, заранее выстроив в своей хорошо организованной голове образ того, что из ее дочерей должно получиться в итоге. Модель была составлена из пунктов «Морального кодекса строителя коммунизма», в который мать твердо верила еще с детских лет: скромные, строгие, порядочные и работающие. Идеалом поведения считалась степенность. Мать так и говорила:

— Девушка должна быть степенной.

Сестра Маргарита, старше Марфы на пять лет, воплощала собой идеал, потому была любимицей и наперсницей матери.

Марфа в придуманный образ не вписывалась. Ни в один пункт. Она как раз не была ни скромной, ни степенной, а когда ей исполнилось семнадцать лет и она впервые пришла с вечеринки пьяной, мать констатировала, что и с порядочностью ничего не вышло.

То, что она не оправдала материнских надежд, было полбеды. Молчаливое неодобрение она как-нибудь пережила бы. Хуже было то, что каждый ее промах, каждое отступление от образца подвергались публичному разбору и суровому порицанию. Пока родительница воспитывала ее одна, Марфа худо-бедно справлялась с появляющимся после каждого «педсовета» чувством неполноценности, но с наступлением у нее пубертатного возраста, который увеличил все несоответствия в разы, Маргарита на правах взрослой присоединилась к мамаше, с удовольствием участвуя в экзекуциях.

Понимая, что место урода в семье досталось ей, Марфа старалась не делиться с родными своими проблемами и со всеми бедами пыталась справляться сама, но иногда, не зная, как выйти из сложной ситуации, под влиянием испуга или растерянности все же обращалась за помощью к родным. Каждый раз ее заставляли об этом пожалеть. Да, она снова накосячила, да, была не права, сама это понимала и именно поэтому нуждалась в поддержке и утешении. Но всегда ее ждали прокурорский взгляд, осуждающе поджатые губы матери

и презрительный прищур сестры. После очередного разбора полетов Марфа, глотая сопли и слезы, клялась больше никогда и никому не открывать душу. Но силы для этого у нее появились не сразу.

Чтобы как-то ускорить процесс, после окончания школы она, никого не слушая, сорвалась и уехала в Москву. Мать, разумеется, была против, считая, что без постоянного контроля с ее стороны дочь пустится во все тяжкие, но Марфу было уже не остановить. На журфак она не прошла, зато на филологический ее приняли без проблем и даже дали место в общежитии, после чего она решила, что в свой городок не вернется ни за что и никогда. Стала закалялась в постоянной борьбе провинциальной девочки за право существования в большом городе. Без слез и соплей, разумеется, не обошлось, но к концу обучения она почувствовала в себе достаточно сил, чтобы рвануть в Питер, дабы испытать себя на поприще журналистики.

Все это время она была одна или почти одна. Романы, разумеется, случались, и с завидной регулярностью, но никогда и ни с кем Марфа не сблизилась настолько, чтобы делиться проблемами или, не дай бог, открыть душу. Вот уж это фигушки!

И все в итоге получилось. И в профессии она состоялась, и встретила мужчину своей мечты.

Не такой уж она урод, оказывается!

ДОМ ВИЕЛЬГОРСКИХ

Ровно два года назад в ее жизнь вошли два самых главных человека — Володя и Анна Андреевна.

Все началось с того, что жители одного из домов в исторической части Петербурга обратились к средствам массовой информации, слезно умоляя спасти их от варварского нашествия нуворишей, пытавшихся отнять у простых людей жилье. В редакции, которой страдальцы оборвали все телефоны, сочли событие достаточно интересным и направили Марецкую для выяснения подробностей и дальнейшего их «опубликования».

Марфа отбрыкивалась как могла, потому что борьбу простого люда против новых угнетателей резонно считала заранее обреченной на провал. Однако отбиться не удалось, и с унылой физиономией она потащилась осматривать дом и опрашивать очевидцев.

Начать она решила с одного из старожилов, которого жильцы называли бабой Нюрой и через одного на нее ссылались.

Вообще странно: это имя — баба Нюра — прилипло к старушке настолько, что даже ее товарки, которым и самим сто лет в обед, называли ее только так и не иначе. Разыскивая бабу Нюру, Марфа мысленно нарисовала образ, подходящий к такому имени, и была удивлена, когда вместо огромной толстой бабищи с руками-кувалдами и зычным голосом ей открыла дверь маленькая сухонькая старушка в платье с кружевным воротничком и светлыми кудельками волос, собранными в аккуратный пучочек на затылке. Еще больший когнитивный диссонанс возник, когда старушка заговорила. Так выражались, наверное, выпускницы Смольного института: четко, правильно и немножко старомодно.

Марфа не могла не попытаться выяснить, откуда такое чудо, и прицепилась к бабе Нюре как репей. Когда же выяснилось, что перед ней Анна Андреевна Виельгорская, из рода той самой графини, которая была знакома с Пушкиным и чьей руки безуспешно просил Гоголь, Марфа и вовсе удивилась. Откуда на фиг взялась эта баба Нюра? Ни бабы, ни Нюры тут и в помине не было. Вот имя Анна Андреевна вполне соответствовало внешнему облику.

Так Марфа и стала ее называть. Тем более что так же звали Ахматову, а это придавало дополни-

тельный флер. В ту первую встречу они проговорили со старушкой часов пять. С Марфой такого вообще никогда раньше не бывало. Пять часов не на интервью, а просто так, для души. Сидели на кухне и пили чай с сушками.

Тогда Марфа узнала, что когда-то весь этот дом принадлежал семье графов Виельгорских, правда, не в качестве личного жилья. Он сразу строился как доходный. Но что такое доходные дома в девятнадцатом веке? Это не безликая типовая застройка советского периода. Такие дома строили с расчетом на солидного жильца, а потому с претензией. К тому же фамилия Виельгорских и сама по себе что-то значила, поэтому опозориться было никак невозможно. Доходный дом вышел на славу и стал новым украшением столицы. После революции он почти не перестраивался, ведь в нем с самого начала были квартиры, хотя, разумеется, их разделили, а жильцов уплотнили. Порой до состояния огурцов в бочках.

Квартиру, в которой обитала сама Анна Андреевна, перестройка тоже не миновала, хотя она располагалась в стороне от остальных, в небольшом флигеле, у которого даже имелся отдельный вход. Изначально флигель был жилищем управляющего, причем совсем небольшим по меркам позапрошлого века. Однако и из него умудрились соорудить две квартиры. Анне Андреевне досталась та, что выходила окнами на улицу. Две комнаты,

одна из которых проходная, да кухня. К счастью, приличная. Анне Андреевне, которая всегда жила одна, кухня служила и столовой, и местом приемов гостей.

Окна второй квартиры были обращены на мусорные контейнеры, струдившиеся во внутреннем дворе. Объединял квартиры темный коридор, примыкавший одной стороной к стене большого дома. Самым прикольным в этих соседствующих жилищах был общий туалет. Вернее, туалет, совмещенный с ванной комнатой, который располагался между двух квартир. Чтобы в него попасть, страдающий должен был выйти из своей квартиры в общий холодный коридор, а по окончании гигиенических процедур тем же манером вернуться обратно. Летом такое путешествие никого не пугало, но зимой для посещения заветной комнаты приходилось надевать пальто. Анна Андреевна рассказывала, что раньше не было и такого. Во время перепланировки туалет в квартире управляющего вообще уничтожили, видимо, по причине малой значимости. Вместо него во дворе соорудили деревянный сортир, которым кроме жильцов активно пользовались все окрестные алкоголики. Счастье наступило, когда в соседнюю квартиру въехал молодой художник, превративший жилье в мастерскую. Художник был из успешных, довольно состоятельный, потому проблему мест общего пользования решил легко, правда, только

в том варианте, который так потряс Марфу. Впрочем, содержимое ванной комнаты выглядело вполне сносно, а ко всему остальному жильцы привыкли, тем более что художник в скором времени съехал — для мастерской в комнатах не хватало света — и с тех пор соседняя квартира пустовала.

В большом доме, к которому примыкал флигель, жильцы менялись довольно часто. Лишь Анна Андреевна Виельгорская жила здесь с младенчества и никогда никуда не уезжала.

Так дом жил-поживал, пока не приглянулся какому-то банку. И то странно, что случилось это только нынче. Стоял дом на хорошем ходовом месте, выглядел презентабельно — раньше строили не в пример нынешнему, — имел солидные размеры, короче, по всем статьям подходил для реализации амбициозных планов нуворишей всех уровней. Этим самым нуворишей пугало только количество жильцов, которых надлежало куда-то выселить, чтобы освободить территорию. Но вот наконец нашелся один непугливый, которого сия задача не утратила. Ушлый банкир решил не откладывать дело в долгий ящик и подсуетиться.

И подсуетился. В один прекрасный день жильцов собрали во дворе, и бойкая молодая женщина в костюмчике от «Шанель» поведала всем, какое светлое будущее их ожидает в новых квартирах в строящихся микрорайонах вдали от городской суеты.

Народ обомлел и пребывал в этом состоянии целых два дня. А потом ринулся рыть окопы и возводить баррикады.

На одном из этапов борьбы за отчий дом, когда жильцы совсем было отчаялись, они решились призвать на помощь прессу. Дескать, дом исторический, принадлежал известным и запечатленным в истории лицам, в разные годы в нем проживало немало знаменитых людей и тому подобное. Бабу Ньюру привлекли в качестве эксперта, так как жила она в доме дольше всех.

Потом Марфа много раз думала, что было бы, если бы она отбилась от неудобного задания.

После первой встречи с Виельгорской последовала вторая, третья, десятая, и всего через полгода Марфа, которая в этой жизни никогда и ни к кому не была привязана, даже не заметив, как это произошло, стала считать пожилую женщину — назвать ее старушкой язык не поворачивался — родным человеком.

Поначалу Марфе казалось, что Анна Андреевна совершенно не тяготится одиночеством. В ее распоряжении всегда имелись книги, старые, еще советские пластинки с записями Рахманинова, Рихтера и Гилельса, игру которых она готова была слушать сутками, и Петербург, любимый город. Ну чем не прекрасная жизнь!

Однако Анна Андреевна была так рада любой возможности пообщаться, так радовалась каждо-

му ее появлению на пороге своей старой квартиры, так умела слушать, понимать, сострадать, что Марфа впервые почувствовала себя по-настоящему интересной, важной, нужной.

Она стала считать Анну Андреевну своей подругой. Совсем не такой, как ровесницу Лариску, а старшей подругой. Ведь бывают такие? Мудрые, добрые, понимающие.

Но это случилось гораздо позже.

Два года назад, разобравшись в истории вопроса, Марфа поняла, что в одиночку жителям с банковским напором не справиться. Нужна подмога в лице чиновников, отвечающих за охрану памятников истории и культуры. Ну не все же они купленные?

Среди работающих в нужном комитете она вычислила одного — Владимира Мышляева, славившегося, по слухам, демократичностью и обостренным чувством справедливости. Марфа тогда впервые столкнулась с людьми из этого подразделения. Своих, то есть чиновников из комитета по взаимодействию со СМИ, она знала наперечет, но с этим человеком знакома не была. Она навела жителей во главе со старшей по дому Натальей Петровной Борзовой на его след, и Мышляев был приглашен на митинг протеста.

Он пришел, молодой, красивый и импозантный. Марфа затесалась в гущу народа и, глядя на Мышляева, стала прикидывать, с какой стороны к нему подойти, чтобы взять в оборот.

В принципе, она могла подойти к любому — хоть к президенту страны, хоть к вождю племени тумба-юмба. Стеснительных среди журналистов вообще днем с огнем не сыщешь. Однако тогда она решила, что осторожность не помешает. Ведь не за интервью собралась, а за помощью. И помощь эта требовала нешуточных усилий от того, кто решится ее оказать. Следовательно, нужно не просто подойти, а с особым «подходцем». А с этими самыми «подходцами» у нее всегда были проблемы. Вот, например, стену пробить или взять на abordаж вражеское судно — тут Марфа согдилась бы. Если же требовались гибкость, тактичность или, прости господи, толерантность, то Марецкую на задания не посылали. Попрет как танк, а если не выйдет, то разозлится и припечатает так, что мало не покажется. Или, чего доброго, пошутит, а черный юмор не все воспринимают адекватно. Короче, ее сильные профессиональные стороны тут негодились, поэтому митинговать вместе с жителями она не стала, чтобы с ходу не наломать дров.

Скромно стоя в толпе, Марфа рассматривала и слушала того, от чьей доброй воли зависела судьба дома и Анны Андреевны. Ей понравилось, что Мышляев был готов к разговору и вник в ситуацию. Вопросы, которые он задавал, были точными, конкретными, кроме того, по его реакции стало ясно: он целиком и полностью на стороне

страдающих жителей. Короче, Марфе он понравился.

Но самое приятное случилось после митинга.

Когда за спинами не желающих расходиться возбужденных жильцов она пробиралась к флигельку Анны Андреевны, этот самый Мышляев ее окликнул и, подойдя, завел разговор на животрепещущую тему. Марфа слегка изумилась. Неужели сумел разглядеть ее в толпе? Она вроде не активничала, флагом не махала, просто слушала. Впрочем, довольно скоро выяснилось, что главная активистка Борзова уже успела ткнуть в нее пальцем и объяснить, кто такая.

Владимир задавал какие-то вопросы, что-то уточнял, но при этом смотрел так, что Марфа смекнула: все эти вопросы и уточнения — прелюдия к чему-то гораздо более интересному.

Впрочем, телефончик он не попросил и попрощался довольно сдержанно. Марфа удивилась во второй раз, но, поразмыслив, решила, что это даже к лучшему. Сперва пусть в деле себя покажет, а там посмотрим.